

ЛАУРЕАТЫ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРЕМИЙ

ДМИТРИЙ БЫКОВ

СИГНАЛЫ

Роман

ЭКСМО
МОСКВА
2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Б 95

Автор выражает искреннюю благодарность
Валерии Жаровой за помощь в создании книги

Разработка серии *А. Саукова, Ф. Барбышева*
Иллюстрация на обложке *Ф. Барбышева*

Быков Д. Л.

Б 95 Сигналы : роман / Дмитрий Быков. — М. :
Эксмо, 2013. — 320 с. — (Лауреаты литературных
премий).

ISBN 978-5-699-68501-1

«История пропавшего в 2012 году и найденного год спустя самолета «Ан-2», а также таинственные сигналы с него, оказавшиеся обычными помехами, дали мне толчок к сочинению этого романа, и глупо было бы от этого отрекаться. Некоторые из первых читателей заметили, что в «Сигналах» прослеживается сходство с моим первым романом «Оправдание». Очень может быть, поскольку герои обеих книг идут не зная куда, чтобы обрести не пойми что. Такой сюжет предоставляет наилучшие возможности для своеобразной инвентаризации страны, которую, кажется, не зазорно проводить раз в 15 лет».

Дмитрий Быков

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-68501-1

© Быков Д., Жарова В., 2013
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2013

Мы считали, что нашли обыкновенный Термитник, только кремового цвета и похожий на зонтик, но вышло, что он никакой не Термитник, а хозяин большого и богатого рынка. Дорога была чистая — ни единого следа, и постепенно мы стали догадываться, в чем дело: дорога-то вела в Безвозвратный Город, и живые существа по ней не ходили, потому что если кто-нибудь попадал в этот город, то обратно он уже никогда не возвращался: там жили дикие и злобные существа. Мы шли на юг до четырех часов дня, но дорога по-прежнему оставалась пустой, и тогда нам стало совершенно ясно, что она ведет в Безвозвратный Город.

И вдруг мы глянули и увидели себя, и сначала удивились, но потом успокоились: поняли, что смотрим на свои изображения — они

были точь-в-точь похожи на нас, только белые, и тут мы опять удивились: мы не могли догадаться, откуда они взялись, и подумали, что Взгляд, который фокусировал, был никакой не Взгляд, а обычный фотограф, и он снял нас. Но точно мы этого не знали.

*Амос Тутуола.
Путешествие в город мертвых*

Глава первая

СОЮЗ ПЯТИ

1

9 сентября радиолобитель Игорь Савельев поймал сигналы с пропавшего самолета «Ан-2».

Вышло это так: в час ночи, любимое свое время, когда еще не тяжелеет голова, он сидел у себя в гараже, где была оборудована отличная любительская радиостанция с японской комплектацией, с позывным R9C8WN, где R обозначала Россию, 9 — Свердловскую область, 8W — город Пышва, а что обозначала N, вам пока знать не надо.

В час ночи на частоте 145,17, которая на его памяти сроду не использовалась, он услышал громкий и трагический женский голос, сказавший ему:

— Отец, молись за меня.

Радиопоиском Савельев занимался ровно полжизни и к тридцати годам был перворазрядником с перспективой кандидатства, со второй категорией и десятком грамот. В обычной жизни он работал ортопедом и профес-

сию эту не любил, потому что приходилось иметь дело с людьми. Если бы можно было исцелять без личного контакта, по перечню жалоб, анализу и снимку — ему бы не было цены, и работа была бы ровно по нему; но иметь дело с людьми, их страхами и запахами (чем сильнее страх, тем хуже запах) Савельев не хотел. Именно поэтому он до сих пор не женился, а случайные связи у него длились недолго. Специалистом он считался хорошим, поскольку чем меньше и жестче врач разговаривает, тем больше его чтут, — но перебираться из Пышвы хотя бы в Екатеринбург не собирался. Зачем, когда в гараже к его услугам был весь мир, причем в лучшем виде? Этот мир был лишен запаха, плоти, унижительной физиологии — он уже перешел в высшую форму существования, чем все мы когда-нибудь кончим, как позитивы, негативы и кассеты закончились цифрой. Высшая цель человечества — перевод себя в информацию; Савельев это знал, но никому не рассказывал.

В России порядка 50 тысяч настоящих радиолюбителей, дело это тонкое и требующее глубокой нелюбви к тому, что обычно называют жизнью. Радиолюбитель — человек без быта и сам в некотором смысле волна. У Савельева были друзья в Таиланде, Мексике, Японии и даже один друг в России, со странным позывным, относительно которого просил не расспрашивать: как известно, в региональной

русской номенклатуре нет пятерки, но у этого странного собеседника почему-то была. Наверное, что-нибудь секретное. Личные тайны не волновали Савельева, поскольку он любил загадки высшего порядка: аномальные зоны, таинственные исчезновения туристических групп и одиноких странников, порталы в соседние миры.

В освоении всякой науки есть три уровня: неопита интересуют тайны, профессионал знает, что никаких тайн нет и у всего на свете есть материалистическое объяснение, а специалист понимает, что за всеми материалистическими объяснениями стоит тайна превыше людского понимания. Лучше всего эту аналогию понимают водители. Начинаящий водитель понятия не имеет, как машина ездит, и в случае неполадки в лучшем случае подкачивает колеса, а в худшем очищает пепельницу; профессионал может разобрать свой автомобиль до последнего винтика и даже, случается, собрать обратно, — ас знает про машину все и все-таки не понимает, почему она ездит. Савельев был ас.

Короче. В час ночи женский голос ему сказал: — Отец, молись за меня.

Это явно не был фрагмент милицейских переговоров, прослушиванием которых Савельев баловался еще в девятом классе, и уж тем более не диалоги «Скорых». «Летуны», как называют отряд рискованных радиолюбителей,

ловящих переговоры летчиков с диспетчерами, работают преимущественно в диапазоне от 117 до 136. Мобильной связью тут тоже не пахло. Это было черт знает что такое. Савельев насторожился, включил запись и стал настраиваться. Через три минуты та же частота сказала сиплым мужским баритоном:

— Повторяю: колхоз имени (захлеб, бульканье). Семьдесят километров от Перова. Приходите, поздно будет. Повторяю: поздно!

Голос заглушили помехи, и, как Савельев ни вслушивался, ничего, кроме шума и треска, слышно не было еще долго. Потом сквозь шум снова прорвался голос, но прежний или другой, Савельев не понял. Говоривший не представился, не назвал позывного. Голос прокричал:

— Р-восемнадцать больше нет! Л-двадцать пять стыкуется с Б-десять. Р-восемнадцать нет. Нужны кашки, без кашек все пропало.

И все действительно пропало, утонуло в помехах.

Р-18 — сталь для режущих инструментов, у кого-то она закончилась, что ли? Но почему в эфире? А Л-25? Что-то знакомое... Модель танка? Или самолета? Но с кем они стыкуются? Савельев понял только, что неведомые кашки вряд ли были едой. Но ассоциации заработали, захотелось есть. Приемник молчал, и Савельев уже полез было на полку за консервами, как вдруг услышал еще один голос,

явно принадлежавший человеку немолодому. Медленно, разделяя слова, голос произнес:

— Земля. Медведь. Человек. Быстро. Асимптота. Корабль. Бог. Котлета.

Затем то же самое повторилось по-английски. Это напоминало шифр или бред. Первый вариант был лучше, конечно, но в эфире нередко встречался и второй — Савельев чего только не наслушался за годы. Теперь вообще эфир был уже не тот, любой школьник мог купить AOR-3000 и творить на волнах что угодно. Малолетние хулиганы, откровенное хамье, психи всех мастей... Однажды Савельев даже подслушал переговоры домушников — через мат-перемат взломщики договаривались с теми, кто стоял на стреме.

Но говоривший не шутил, это было слышно. Савельев закурил и, продолжая вслушиваться в замолчавшую опять частоту, стал крутить в голове бессвязные слова. Он выписал их в аппаратный журнал, но без ключа шифр оставался бредом. Можно еще было объединить землю и медведя, но Бог и котлета? Савельев так погрузился в раздумья, что вздрогнул, когда приемник снова заговорил. Мужской голос доложил быстро и нервно:

— Самолет упал. Пилот мертв. Второй мертв. Еще двое ушли, не знаю, живы ли. Медведи вокруг. Атаман сказал, патронов больше не будет. Он видел, знает, он под-

твердит. Охотники ушли за теми двумя. Пилот мертв. Ищите нас...

Тут голос пропал, но почти сразу пробился вновь, уже почти крик:

— ...люции! Семьдесят...

И смолк уже окончательно. Савельев еще послушал, но все зря. Тем не менее переключаться не хотелось — словно уходом с частоты он отнимал у бедствующих последний шанс. Сна не было ни в одном глазу. Самолет — очевидно, несчастный «Ан-2», два месяца назад вылетевший из Перовского аэропорта (аэропорт — одно название, раздолбанная полоса, пыльная крапива в асфальтовых трещинах, три с половиной машины в дырявом ангаре), вез каких-то местных чиновников, что ли, в отдаленные уголки на политпросветительскую работу — да так и пропал с концами. Тогда его поискали-поискали, ничего не нашли, как сквозь землю провалился, и к сентябрю почти забыли. Савельев, правда, не забыл, но у него была своя причина.

Приемник все равно молчал, так что Савельев отключил запись и прослушал все подряд, подробно несколько раз прокрутив неразборчивые куски — но они и остались неразборчивыми. Он задумался. Пилот мертв, сказал последний голос. Еще двое, скорее всего, тоже. Что за атаман? Сколько там вообще народу было? Савельев не помнил. А что такое тогда

«Р-18» и «кашки»? Ясно одно — люди живы, и людей надо спасать.

Порывшись в ящике стола, он извлек карту области и нашел Перов. В радиусе семидесяти километров населенных пунктов было мало — глушь, тайга. Колхоз? Заброшенных колхозов имелось полно, на разных стадиях запустения. На картах, разумеется, их никто не обозначал. Последний и первый голос, очевидно, говорили об одном: и там, и тут звучало «семьдесят». Семьдесят километров от Перова, колхоз имени... Революции? Скорее всего, не поллюции же. Может, они говорят, что выйдут к людям только через семьдесят лет после революции?

Тут Савельев кинулся в угол, разбросал сваленные кучей тряпки, книги и прочий хлам и вытащил здоровый фанерный ящик. Там хранились вещи отца — остались в гараже после его смерти, выкидывать рука не поднялась. «Москвич» сгнил на стоянке, а мелочь осталась, Савельев свалил все в ящик, освобождая место для аппаратуры, да и задвинул в угол. Там, помнил он, был и старый автодорожный атлас.

Точно! Был тут колхоз имени Шестидесятилетия Революции. Не в семидесяти, а примерно в сорока километрах от Перова — но, может, у них там вся навигация отказала. Не мог же колхоз переехать, не цыганский табор. И леса вокруг — в самом деле последний бастион цивилизации. Надо завтра в МЧС, куда

еще? Ему немного жаль было делиться открытием. Но уж сам-то он мог претендовать на участие. Ему, в общем, плевать было, какие там чиновники и куда летели. Но Марину Лебедеву он помнил.

Савельев выскочил на улицу и подставил горящее лицо ночной мороси. Поэтому он не услышал, как приемник, немного потрещав, вдруг заговорил нараспев тихим женским голосом. Женщина чуть картавила:

— Как под черной горой там вода черна, как над черной рекой ходят три кота. Первый кот идет, все вокруг заснет, второй кот идет, все вокруг умрет, а как третий идет, все вокруг оживет.

2

МЧС располагалось на улице имени пыжвинского уроженца, чекиста Журавлева, в одном сталинском доме с управлением ФСБ. Был вторник, Савельев работал с трех, почему и мог засиживаться ночью в гараже, — и, толком не выспавшись, к десяти утра с записями сигналов на флешке пошел докладывать. Дежурный выслушал его без эмоций и отвел к начальнику поисково-спасательной службы.

— Кгхм, — сказал тот. — Ну, вы оставьте, я послушаю, конечно.

— Но там... там действовать надо, — неуверенно предложил Савельев. Он не умел давить на собеседника, тем более военного.

— Если надо, будем действовать, — объяснил начальник. — Вам спасибо, дальше нам видней.

— Я просто хотел... как-то поучаствовать, возможно...

— Ну зачем же вы будете участвовать? — спросил начальник со снисходительной интонацией родителя, отговаривающего ребенка трогать каку. — И вообще. Вот вы радиоловитель. Скажите, какая рация будет работать три месяца спустя?

— Два, — поправил Савельев.

— Ну два. Уже ходили тут люди, родные. Им кто-то из пассажиров с мобильного позвонил. Позвонил и молчит. Если бы они были живые, они бы звонили, так? А если они не звонят, то это мишка, значит, перевернул кого-то и мобильник включил. Как вы себе представляете, что два месяца нет сигналов, и вдруг есть на неизвестной частоте?

— Может быть, они починили рацию, — предположил Савельев.

— Они ее два месяца там чинили, так? В летнее время, в сравнительной близости от колхоза, они ее там чинили, вместо чтобы идти к людям? Сорок или сколько там, семьдесят километров, три дня пути даже с ранеными, они ее там чинили, питались святым